

Воспроизводство социально-профессиональных групп в современной России¹

Г.А. ЯСТРЕБОВ

Статья посвящена анализу воспроизводства социально-профессиональных групп в современном российском обществе по материалам представительных опросов занятого российского населения, проведенных в 1994, 2002 и 2006 гг. по сходной методике. Наряду с обширной описательной статистикой о преемственности социально-профессиональных и образовательных статусов предпринята попытка проанализировать воспроизводство социальных дистанций между группами в их взаимодействии с применением методики многомерного шкалирования.

Введение

Исследование социально-профессиональных групп и их воспроизводства – явление не новое. Оно насчитывает десятилетия как в западной научной традиции, так и в отечественной. Опираясь на этот многолетний опыт, мы совместно с О.И. Шкаратаном провели работу по выделению социально-профессиональных групп в современном российском обществе. Таким образом, мы продолжили доминирующую традицию, а также предприняли попытку решить чрезвычайно сложную задачу по выделению так называемых реальных (гомогенных) социальных групп, объединяющих индивидов со сходными параметрами властных полномочий владения собственностью, человеческого, культурного и социального капиталов [Шкаратан, Ястребов 2007а].

При исследовании воспроизводства социально-профессиональных групп не рассматриваются общества, находящиеся в состоянии системной трансформации. Однако в процессе воспроизводства отдельные элементы этого относительно стабильного организма могут претерпевать значительные изменения, а именно: могут трансформироваться отношения между людьми, группами, по-

¹ Данная статья написана по материалам исследования, проводимого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 08-03-00317а «Анализ воспроизводства социального расслоения в современной России: альтернативность перспектив в контексте вызовов информационной эпохи»).

зияциями групп. Некоторые группы могут исчезать, отмирать, тогда как на их месте будут рождаться новые. Само понятие «воспроизводство» означает, что некий объект циклически воссоздается и развивается за счет связей и обмена с внешней средой. Поскольку среда может быть либо относительно неизменной, либо изменяться, то и воспроизводство может осуществляться или как инвариантное, или как преобразующее объект от цикла к циклу, вплоть до изменения его отдельных сущностных свойств. Применительно к социально-профессиональным группам можно сказать, что их воспроизводство включает в себя как воссоздание ранее существовавших групп и отношений между ними, так и возникновение и расширенное воспроизводство новых групп и новых отношений.

С этой точки зрения проанализируем период достаточно сложных трансформаций российского общества с 1990-х годов до конца 2006 г. Уже к началу этого периода основные системные характеристики российского общества более или менее были закреплены в отношениях между людьми, группами и институтами. А материалы опросов 2006 г. свидетельствуют о том, что это общество как неократическое окончательно закрепилось в своих системных характеристиках [Шкартан, Ястребов 2008]. Список социально-профессиональных групп не изменился – изменились лишь их доли и позиции групп в стратификационной иерархии: например, взаимное расположение групп предпринимателей и чиновников или изменение позиции профессионалов по отношению к их положению на начало постсоветского периода. Проведение такого анализа стало возможным благодаря солидному статистическому материалу, полученному в результате трех представительных опросов занятого российского населения, проведенных в 1994, 2002 и 2006 гг. по сходной методике.

Институциональные факторы воспроизводства социально-профессионального статуса индивидов: теоретическая модель

В основу исследования институциональных факторов воспроизводства социально-профессионального статуса индивидов был положен принцип редуцирования целостного процесса социального воспроизводства (воспроизводства социальной структуры) к совокупности воспроизводств индивидуальных статусов в постсоветском обществе. Такой подход позволяет выявить систему эмпирических связей между социально-профессиональными статусами респондентов в их динамике и институциональными факторами на материалах наших представительных опросов.

Множество факторов, влияющих на процесс социального воспроизводства, целесообразно разделить на три группы. К факторам макросреды динамики социального воспроизводства как социальных групп, так и индивидов можно отнести изменения социальных отношений в обществе в целом, и развитие институциональной структуры, в частности институтов рынка, профессий, образования, воспитания, здравоохранения и т. д. Эти макрофакторы на уровне территориальной общности трансформируются в факторы мезосреды, которая выступает как среда непосредственного воспроизводства статусного положения индивидов, их статусной репутации. И наконец, на микроуровне вступают в дейст-

ние факторы, отражающие специфику непосредственной среды воспроизводства индивида как члена социума, воспроизводство его социального статуса. К этому уровню относится тип социального окружения индивида, его социальные сети: семья, близкие родственники, друзья, коллеги по работе. Все названные факторы социально-профессионального воспроизводства можно назвать институциональными.

Как среда существования, производства и воспроизводства индивидов, образующих как реальные социальные группы, так и социально-профессиональные, нами рассматриваются социальные институты. Эта среда «заряжает» индивида ресурсами, которые определяют его социальную позицию и место в социальных сетях. В связи с этим мы рассматриваем ресурсы, которые создаются двумя институтами – семьей и образованием.

Первый институциональный фактор – семья (родительские семьи респондентов и их собственные семьи по показателям социального статуса). Второй – институт образования, эмпирическими индикаторами которого служат уровень образования родителей (и отца, и матери) к моменту начала трудовой деятельности респондента, а также уровень образования респондента на разных этапах его жизни (к началу трудовой деятельности; в 30 лет; на момент опроса), уровень образования членов его собственной семьи. Третий фактор – региональный – своеобразное сочетание социальных институтов, выраженное в типе поселения, где проживает респондент.

Влияние этих факторов анализируется в разрезе поколений, представляющих разные эпохи развития страны, что, по нашему мнению, и позволяет отследить динамику происходящих в обществе изменений. Анализ проводился в разрезе разных типов территориальных общностей, что дало возможность выявить влияние такого фактора, как степень развитости территориальной общности, на процесс социального воспроизводства.

В эмпирическом смысле социальное воспроизводство индивида выступает как социальное воспроизводство населения, проживающего в определенной первичной территориальной общности. Оно неотделимо от процесса демографического воспроизводства и принимает форму социально-демографического воспроизводства, которое обеспечивает подготовку новых поколений к выполнению общественно необходимых экономических, политических и иных функций. Поэтому в нем могут быть выделены такие составляющие, как демографическое, социально-профессиональное, культурное воспроизводства. В нашем случае мы исследуем социально-профессиональное воспроизводство.

Оно включает в себя как сознательное целенаправленное воздействие (обучение, воспитание, социальный контроль и т. д.), так и стихийное. При этом индивид выступает не только объектом, но и субъектом воспроизводства (труд, познание). Социально-профессиональное воспроизводство не сводится к воспроизводству численности соответствующих групп, но является также воспроизведением совокупности определенных социальных и культурных качеств, необходимых для нормального участия индивида как актора в функционировании и развитии экономики и общества.

По своему характеру воспроизводство делится на простое, суженное и расширенное, с соответствующими каждому типу характеристиками. Простым является воспроизводство социальной группы в той же численности, что и ранее, с неизменными социальными качествами: квалификацией, образованием и т. д. Расширенное воспроизводство характеризуется ростом численности группы и/или более высоким уровнем развития социальных качеств ее представителей. Для суженного воспроизводства свойственно уменьшение численности новых пополнений и (или) снижение их качественных показателей.

Изменение качества социально-профессиональных групп связано с характером, свойствами индивидов, пополняющих социальные группы, а также с изменением социальных свойств тех индивидов, кто образует ядра этих групп. Эти компоненты, т. е. совокупности социализированных индивидов, формируются под влиянием непосредственной социальной среды, к важнейшим ключевым компонентам которой относятся: институт семьи (ячейка первичной социализации); институты воспитания, образования и профессиональной подготовки с их социальными сетями; социально-культурные институты первичной территориальной общности.

Главные свойства непосредственной социальной среды определяются экономической и социально-политической сущностью общества. В то же время социальная среда в отдельных компонентах никогда не бывает одинаково развитой и может в каждом конкретном случае либо опережать темп общесоциальных изменений, либо отставать от него, что и является непосредственной предпосылкой социальной дифференциации индивидов.

Семья, будучи важнейшим элементом социальной среды, обеспечивает первичное включение индивида в систему социальных связей. Основная специфическая функция семьи, непосредственно связанная с воспроизводством социальной структуры, – обеспечение социального воспроизведения индивида.

Положение семьи, как агента воспроизводства социальных отношений и связей в обществе, двойственно. С одной стороны, через нее накапливается и передается социальный опыт предшествующих поколений, т. е. она активно влияет на процесс социализации личности. С другой стороны, семья сама подвержена воздействию социальной макросреды, так как является одним из социальных институтов общества. С этой точки зрения семья выполняет роль связующего звена между индивидом и объективными реалиями макро-, мезо- и микросреды; она является проводником ценностей и традиций, господствующих в данной социальной системе; ей общество делегировало часть своих полномочий по социализации вступающих в жизнь индивидов. Таким образом, социальное происхождение оказывает определенное влияние на первоначальное социально-профессиональное положение индивида и его дальнейший жизненный путь, и потому его анализ приобретает существенное значение.

Важную роль в воспроизводстве индивида играет институт образования. Достижение индивидом определенного уровня образования находится в неразрывном единстве с процессом приобретения им социального статуса и служит предпосылкой занятия определенной социально-профессиональной позиции.

Важнейшей потребностью человека позднеиндустриального и постиндустриального общества становится потребность в труде определенного качества, креативности, самоорганизованности. Реализуя эту потребность на практике, индивид идентифицирует себя с конкретным социально-профессиональным слоем в социальной структуре. Таким образом, образование является той социальной характеристикой индивидов, которая наполняет процесс социального воспроизводства внутренним содержанием.

В исследовании социально-профессионального воспроизводства нами рассмотрены два процесса:

1) *межпоколенные перемещения*, суть которых заключается в смене поколений, в силу чего каждое новое поколение, включаясь в систему социальных отношений и обладая специфическими социальными характеристиками, меняет общую социальную структуру российского общества;

2) *внутрипоколенные перемещения*, заключающиеся в изменениях социальных позиций, которые происходят в течение жизненного цикла индивидов.

Анализ воспроизводства социально-профессиональных групп

Первая из приводимых таблиц дает обобщенную характеристику трех основных поколений без выделения динамики по отдельным возрастным когортам. Она позволяет выявить некоторые очевидные тренды в динамике социально-профессиональной структуры занятого российского населения. В частности, обратим внимание на группы профессионалов. Данные трех опросов свидетельствуют о неуклонном снижении представителей данных групп не только среди самих респондентов (с 28,5% в 1994 г. до 16,4% в 2006 г.), но и среди предшествующего им поколения, т. е. их родителей, причем наиболее резко эта тенденция проявилась среди отцов – с 32,6% в 1994 г. до 11,2% в 2006 г.; среди матерей это снижение было незначительным (с 24,7 до 20,0% в соответствующие годы). Однако промежуточные данные опроса 2002 г. позволяют предположить, что в этой области положение относительно стабилизировалось. Так, выросла доля высококвалифицированных профессионалов среди респондентов (с 3,4% в 2002 г. до 4,2% в 2006 г.), равно как и среди их старших детей (с 3,9% в 2002 г. до 4,9% в 2006 г.). Кроме того, замедлился процесс сокращения доли «рядовых» профессионалов с высшим образованием как среди респондентов, так и среди их детей.

Как видно из таблицы, от опроса к опросу растет доля представителей соответствующих профессий/занятий среди родителей респондентов (с 26,1% в 1994 г. до 51,5% в 2006 г. у отцов и с 8,8 до 14,6% у матерей соответственно), среди самих респондентов (с 24,4 до 32,3%), в том числе среди их старших детей (с 19,6% в 2002 г. до 22,2% в 2006 г.). Низкая динамика соответствующих показателей дает основание полагать, что пределы роста данной группы в составе трудового населения современной России не исчерпаны. Эти тенденции вызваны постоянно растущим спросом на работников данной категории. При этом отмечается острая нехватка соответствующих кадров на рынке труда, что не только подрывает конкурентоспособность действующих предприятий (в свя-

зи с ростом ставки заработной платы), но и представляет собой серьезное ограничение экономического роста.

Таблица 1. Соотношение социально-профессиональных статусов трех поколений (по представительным опросам 1994, 2002, 2006 гг.)

Социальный слой	Отец респондента	Мать респондента	Респондент	Старший сын/дочь респондента
1. Предприниматели	0,3 / 0,9 / 1,3	0,0 / 0,5 / 0,2	2,5 / 4,4 / 3,5	- / 2,9 / 3,1
2. Управляющие высшего звена и чиновники	1,5 / 0,6 / 1,5	0,1 / 0,2 / 0,0	0,6 / 0,6 / 0,4	- / 0,0 / 0,5
3. Управляющие среднего звена	2,4 / 3,2 / 2,1	0,9 / 0,9 / 1,6	2,0 / 1,8 / 3,3	- / 2,2 / 2,0
4. Руководители низового уровня	9,5 / 10,9 / 9,4	3,6 / 5,4 / 4,0	7,3 / 7,2 / 6,7	- / 6,1 / 4,9
5. Высококвалифицированные профессионалы	2,5 / 2,7 / 1,9	3,0 / 1,8 / 1,4	8,0 / 3,4 / 4,2	- / 3,9 / 4,9
6. Профессионалы с высшим образованием	30,1 / 10,6 / 9,3	21,7 / 16,0 / 17,6	20,5 / 14,2 / 12,2	- / 16,0 / 16,7
7. Работники со средним специальным образованием	8,1 / 2,2 / 3,0	18,4 / 17,3 / 15,6	18,5 / 14,0 / 11,8	- / 16,3 / 18,6
8. Технические работники (в торговле, обслуживании)	1,5 / 1,6 / 2,5	2,9 / 9,4 / 11,0	3,6 / 11,1 / 9,8	- / 17,0 / 17,0
9. Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	26,1 / 46,4 / 51,5	8,8 / 12,6 / 14,6	24,4 / 26,6 / 32,3	- / 19,6 / 22,2
10. Неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие	17,7 / 20,5 / 16,8	40,1 / 35,6 / 33,3	12,3 / 16,4 / 13,7	- / 15,6 / 9,2
11. Самозанятые	0,3 / 0,4 / 0,6	0,5 / 0,5 / 0,6	0,3 / 0,4 / 2,0	- / 0,3 / 1,0
Всего ответили (чел.)	1750 / 1848 / 2020	1488 / 1971 / 2079	1485 / 1951 / 2288	- / 588 / 612
Нет ответа (чел.)	259 / 566 / 471	521 / 443 / 412	524 / 463 / 203	- / 1826 / 1879

Примечание: По слоям указан процент представителей соответствующих слоев от общего числа ответивших. Через черту приводятся данные опросов 1994, 2002 и 2006 гг. соответственно.

Что касается представителей низшей ступени социально-профессиональной иерархии – неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, то в данном случае какая-либо четкая тенденция не прослеживается. С одной стороны, идет снижение представителей соответствующих профессий/занятий среди матерей респондентов с 40,1% в 1994 г. до 33,3% в 2006 г., а также их старших детей – с 15,6% в 2002 г. до 9,2% в 2006 г. С другой стороны, динамика остается неоднозначной для самих респондентов и их отцов: в структурах обоих поколений наибольший процент неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих наблюдается в опросе 2002 г. Общее же снижение их доли в 2006 г.

можно объяснить за счет растущего в последние годы иммиграционного потока из стран ближнего зарубежья, благодаря которому происходит вытеснение работников с российским гражданством в те сегменты рынка труда, где требуется более высокая квалификация и имеется соответствующий спрос.

Отсутствуют значимые сдвиги в воспроизводстве социально-профессиональных групп управляющих. Их относительная доля в структуре занятого населения, равно как и взаимное соотношение во внутренней структуре (в которой нами были выделены руководители трех уровней – высшего, среднего и низшего звеньев управления), оставались неизменными на протяжении всего постсоветского периода. Довольно стабильными данные соотношения выглядят также и в составе представителей смежных поколений.

Стала более явной тенденция к формированию и стабилизации слоя предпринимателей. По сравнению с предшествующими поколениями, в поколении респондентов более высокий процент представителей этого слоя. В то же время увеличение данной группы с 2,5% в 1994 г. до 4,4% в 2002 г. сменилось некоторым ее сокращением (до 3,5%) к концу 2006 г. Примерно так же менялась величина доли предпринимателей в социальном составе родителей и детей респондентов. Другие исследования подтверждают неблагоприятное положение в формировании слоя малых и средних предпринимателей и переход данной группы от расширенного воспроизводства к простому.

Вместе с предпринимательским слоем мы анализировали группу самозанятых работников, представляющих один из традиционных типов занятости в современных рыночных экономиках. Динамика данной группы может являться одним из индикаторов успешности проводящихся в стране преобразований. Оказалось, что соответствующий тип работников в современной России если и сложился, то по-прежнему представляет собой ничтожно малую часть социально-профессионального состава общества, не имеющую очевидных перспектив к дальнейшему расширению.

В группе работников со средним специальным образованием в поколениях и респондентов, и их родителей налицо тенденция к ее сокращению в социально-профессиональном составе населения: в старшем поколении доля среди отцов снизилась с 8,1% в 1994 г. до 3,0% в 2006 г., среди матерей – с 18,4 до 15,6%, тогда как в текущем – с 18,5 до 11,8% соответственно. Среди старших детей респондентов доля работников со средним специальным образованием выросла с 16,3% в 2002 г. до 18,6% в 2006 г. По данным табл. 1 можно также судить об относительной стабилизации доли технических работников в составе занятого населения (с 3,6% в 1994 г. она выросла до 11,8% в 2002 г. и установилась на уровне 9,8% в 2006 г.). Как видно, период значительного расширения данной группы приходится на время до 2002 г., когда в экономике страны в результате рыночной трансформации активно развивались секторы, предъявляющие спрос на рабочую силу соответствующей квалификации: например, сфера торговли и бытовых услуг. О стабилизации доли данной группы на ее текущем уровне свидетельствует также отсутствие значительных изменений в ее динамике в смежных поколениях в период с 2002 по 2006 г.

Важную роль в воспроизводстве социально-профессионального статуса индивидов играют институты общего образования, профессиональной подготовки и приобретаемого опыта (стаж по профессии и должности). Здесь ограничимся рассмотрением динамики образовательной структуры занятого населения России с 1994 по 2006 г. Как видно из приведенных ниже табл. 2 и 3, общий уровень образования российских работников в рассматриваемый период вырос: последовательно снижалась доля занятых с образованием не выше 9 классов общеобразовательной школы: с 16,0% в 1994 г. до 5,7% в 2002 г. и 3,1% в 2006 г. При этом, однако, пропорция наиболее образованных групп населения, включающих в себя работников со средним специальным и высшим профессиональным образованием, меняется непредсказуемо. В частности, доля лиц с вузовским образованием (включая незаконченное высшее, магистратуру и аспирантуру) снизилась с 27,5% в 1994 г. до 26,5% в 2006 г. после значительного спада в 2002 г. (23,4%). Также снизилась доля работников, окончивших средние специальные учебные заведения: с 32,5% в 1994 г. до 30,8% в 2006 г. (в 2002 г. – 35,3%).

В целом следует принять во внимание, что основные изменения в образовательной структуре занятого населения произошли преимущественно в конце переходного периода, охваченного материалами опросов 1994 и 2002 гг., после чего на фоне некоторой стабилизации наиболее значимой тенденцией стал рост численности работников с высшим образованием. Позитивной тенденцией можно считать рост общей образованности занятых в экономике.

Таблица 2. Распределение респондентов и их родителей по уровню образования (данные опроса 1994 г.)

Уровень образования	Отец респондента	Мать респондента	Респондент
Неграмотный(-ая)	5,0	10,4	0,0
Начальное	18,1	17,2	0,0
До 7 классов	12,4	12,7	4,1
7–9 классов	16,6	13,8	11,9
Полное среднее	13,5	13,5	24,0
Среднее специальное	17,1	18,7	32,5
Незаконченное высшее	1,5	1,5	4,6
Высшее	15,8	12,1	22,9
Всего ответили (чел.)	1849	1978	1982
Нет ответа (чел.)	160	31	27

Примечание: По строке – доля респондентов с соответствующим уровнем образованием от общего числа ответивших.

Рост уровня образованности всех категорий населения стимулируется в первую очередь потребностями экономики в рабочей силе определенного качества. В свою очередь, развивающийся индивид оказывает значимое воздействие на изменение структуры и качества рабочих мест. Естественно, потребность современного человека в повышении образованности связана и с усложнением

всей системы жизнедеятельности в современном обществе. Данные всех трех представительных опросов отчетливо свидетельствуют о том, что общий образовательный уровень респондентов значительно выше общего образовательного уровня их родителей. С течением времени старшее поколение постепенно вымывается с рынка труда, освобождая места для молодых работников с более высоким уровнем образования и профессиональной подготовки, что, вероятнее всего, и обуславливает столь значительные сдвиги в образовательной и квалификационной структуре занятых. Эти изменения, вполне возможно, стали причиной частичного вакуума рабочих мест, не требующих наличия квалификации и в результате заполненных неквалифицированной рабочей силой иммигрантов из ближнего зарубежья, приток которых наблюдается на протяжении всех пореформенных лет.

Таблица 3. Распределение респондентов и их родителей по уровню образования (данные опросов 2002—2006 гг.)

Уровень образования	Отец респондента	Мать респондента	Респондент
Не получили начального образования	6,2 / 3,6	8,9 / 5,6	- / -
Начальное или неполное среднее образование (до 7—9 классов)	31,2 / 25,0	30,5 / 26,1	5,7 / 3,1
Неполная средняя школа и профессиональная квалификация	- / -	- / -	7,7 / 6,7
Полное среднее образование	18,5 / 17,3	17,3 / 19,3	18,0 / 18,3
Начальное профессиональное образование, ПТУ	- / -	- / -	9,9 / 14,5
Среднее специальное (профессиональное) образование	27,5 / 27,9	28,1 / 31,1	35,3 / 30,8
Незаконченное высшее образование, бакалавриат	2,0 / 1,1	0,9 / 1,5	2,9 / 2,5
Высшее образование, степень специалиста	14,7 / 16,0	14,3 / 16,4	20,0 / 23,3
Магистратура, аспирантура	- / -	- / -	0,5 / 0,8
Всего ответили (чел.)	2146 / 2264	2371 / 2433	0 / 5
Нет ответа (чел.)	268 / 227	43 / 58	2414 / 2486

Примечание: По строке – доля респондентов с соответствующим уровнем образованием от общего числа ответивших. Над чертой приводятся данные опроса 2002 г., под чертой – 2006 г. соответственно.

Однако нас интересует поступательное развитие образовательно-квалификационного потенциала по сравнению с предыдущими поколениями. Несмотря на растущую индивидуальную отдачу от инвестиций в образование², нельзя исключительно на этом основании утверждать, что мы имеем дело с его

² Нами оценивалась регрессия «минсериянского вида» для изучения влияния на заработную плату факторов образования и профессионального опыта. Коэффициент в модели, отражающий норму отдачи, вырос с 0,037 (1994 г.) до 0,087 (2002 г.) и 0,091 (2006 г.), при соответствующей доле объясняемой моделью дисперсии 5,2, 6,8 и 8,2%. К сожалению, несмотря на 1%-ную значимость всех коэффициентов, объясняющая сила этой модели в России пока оставляет желать лучшего.

эффективной реализацией в контексте развития экономики в целом. Пока можно лишь судить о постепенной нормализации и стабилизации процессов, формирующих образовательную структуру занятости в современной России.

Мы уже говорили о роли института семьи в социально-профессиональном воспроизводстве индивидов. Давайте более подробно остановимся на влиянии социального статуса родителей респондентов на результаты их социальной карьеры (см. табл. 6).

Таблица 6. Связь социального статуса респондентов с социальным положением их родителей (в коэффициентах Крамера)

Социальный статус родителей к началу респондентом трудовой деятельности	Социальный статус респондента в момент опроса			Социальный статус респондента в момент начала трудовой деятельности		
	1994 г.	2002 г.	2006 г.	1994 г.	2002 г.	2006 г.
Отец	0,109	0,136	0,135	0,099	0,132	0,147
Мать	0,121	0,144	0,136	0,137	0,135	0,161

Примечание: Все коэффициенты значимы на 1%-ном уровне значимости.

В социологической литературе многолетне в качестве референта социального происхождения рассматривался отец [Шкарман 1986, с. 172]. По его социальной позиции обычно определяли социальное происхождение индивида. Однако в условиях современности вопрос о преобладающем влиянии отца на формирование индивида не может решаться однозначно (табл. 6): разница в силе влияния отца и матери на процесс формирования социально-профессионального статуса индивида весьма незначительна, причем она практически нивелируется в ходе его социальной карьеры. Однако во всех трех опросах мать оказывает большее воздействие на первоначальную социально-профессиональную позицию респондента, а в дальнейшем несколько возрастает влияние статуса отца.

Таблица 7. Связь социального статуса респондентов различных возрастных когорт с социальным положением их родителей (в коэффициентах Крамера)

Социальный статус родителей к началу респондентом трудовой деятельности	Социальный статус респондента в момент опроса		
	18–29 лет	30–49 лет	Более 50 лет
Отец	0,163 / 0,204 / 0,257	0,140 / 0,156 / 0,147	0,148 / 0,379 / 0,219
Мать	0,202 / 0,196 / 0,218	0,147 / 0,170 / 0,152	0,199 / 0,330 / 0,229

Примечание: Через косую черту приводятся данные опросов 1994, 2002 и 2006 гг. соответственно. Все коэффициенты значимы на 1%-ном уровне значимости.

Данные табл. 7 в разрезе возрастных и исторических поколений демонстрируют устойчивость примерно равного влияния статусов обоих родителей на социальный статус детей при несколько большем влиянии статуса матери. Отмечено уменьшение влияния социального статуса родителей на положение детей

в обществе среди представителей поколения, чьи первые шаги в социальной карьере пришлось на конец 1980-х – первую половину 1990-х годов, т. е. на пик трансформационного сдвига с возросшим влиянием случайных факторов и индивидуальных характерологических особенностей и сменой критериев социального статуса. У этого промежуточного (по критериям 2006 г.) поколения был более широкий выбор направлений социальной реализации, поэтому его представители значительно реже наследовали профессии и социальные позиции своих родителей.

Процесс формирования социально-профессионального статуса представителей вновь вступающих в жизнь поколений условно можно расчленить на два разнонаправленных процесса. С одной стороны, наблюдается статистически существенная межпоколенная преемственность социальных статусов. Выявляется закономерность, в силу которой разные социальные группы воспроизводят самих себя. В то же время наблюдается интенсивная социальная мобильность: освоение новых профессий, смена вида и сферы трудовой деятельности, приобретение качественно иного опыта и знаний, изменение ценностных ориентиров.

Чаще всего преемственность наблюдается в группах профессионалов с высшим образованием и квалифицированных рабочих. Так, в 2006 г. 22,1% профессионалов унаследовали социально-профессиональный статус отца, матери – 36,8%. Квалифицированные рабочие в 62,9% случаев наследовали статус своих отцов и в 18,5% – матерей. Как видно, механизм наследования в разных социально-профессиональных слоях имеет свою специфику. Если главным социально-профессиональным «консервантом» у профессионалов является мать, то наследование позиции рабочих интенсивнее идет по отцовской линии.

Второй по важности влияния родительской семьи на социальную карьеру респондентов критерий – уровень образования родителей. От него зависит культурная микросреда детей, которая в свою очередь активно формирует их качественные характеристики в процессе социализации.

В 2006 г. в слое малоквалифицированных рабочих, пополняющемся выходцами из групп населения, имеющих самый низкий образовательный уровень, 47% имели отца с неполным средним образованием. Среди квалифицированных рабочих отцов с тем же образованием было 40%; у 27% из них отцы имели среднее специальное образование, а у 9% – высшее. Наследование образовательного уровня родителей при его более низком уровне более выражено у малоквалифицированных рабочих, чем у работников квалифицированного физического труда (см. табл. 8).

В группах лиц управленческого и интеллектуального труда, профессии которых требуют солидной общеобразовательной и специальной подготовки, особенно высока степень передачи ценностей образования от родителей к детям. Так, у профессионалов с высшим образованием в 18% случаев отцы не имели полного среднего образования, у 32% отцы получили среднее специальное образование и у 35% – высшее. У менеджеров (управляющих высшего и среднего звена) соответствующие показатели составили 21, 39 и 33%. При этом перечисленные социально-профессиональные группы также характеризуются наиболее высокими показателями связи между уровнем образования родителей и уров-

нем образования респондентов на протяжении всех трех опросов (см. табл. 8). Все это говорит о том, что накопленный предшествующими поколениями социальный потенциал лишь у определенной части респондентов воспроизводится в том же виде, а для многих служит базой для повышения социального статуса.

Таблица 8. Зависимость уровня образования респондента в момент опроса от уровня образования отца/матери к моменту начала респондентом трудовой деятельности (в коэффициентах Крамера)

Социальный статус респондента	1994 г.	2002 г.	2006 г.
1. Предприниматели	0,347 (0,662)	0,292 (0,187)	0,298 (0,157)
2. Управляющие высшего звена и чиновники	0,669 (0,444)	0,729 (0,271)	-
3. Управляющие среднего звена	0,516 (0,250)	0,396 (0,361)	0,466 (0,000)
4. Руководители низового уровня	0,300 (0,103)	0,252 (0,032)	0,238 (0,097)
5. Высококвалифицированные профессионалы	0,259 (0,332)	0,228 (0,866)	0,320 (0,004)
6. Профессионалы с высшим образованием	0,278 (0,000)	0,150 (0,664)	0,178 (0,077)
7. Работники со средним специальным образованием	0,189 (0,112)	0,173 (0,073)	0,178 (0,041)
8. Технические работники (в торговле, обслуживании)	0,465 (0,008)	0,202 (0,032)	0,202 (0,079)
9. Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	0,242 (0,000)	0,170 (0,000)	0,161 (0,000)
10. Неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие	0,304 (0,000)	0,182 (0,018)	0,260 (0,000)
11. Самозанятые	0,707 (0,368)	0,866 (0,116)	0,306 (0,195)

Примечание: Значимость коэффициентов приводится в скобках под соответствующим значением коэффициента. При проведении расчета нами выбирался тот из родителей, чей уровень образования был выше.

Что касается особенностей социального воспроизводства в поселениях разного типа, то именно в поселках городского типа и селах и к концу 2006 г. не был восстановлен человеческий капитал наших сограждан [Смыслов 2007], а население столиц и городов-миллионников оставило позади уровень человеческого капитала конца 1980-х годов. Кроме того, в крупных полифункциональных городах социальные перемещения населения проходят активней, чем в городах меньшего размера и селах, где меньше набор отраслей экономики, меньше социально-культурных и профессиональных позиций. Вот наглядный пример, демонстрирующий роль типа поселения как среды социализации на разных этапах жизненного пути индивида. По результатам опроса 1994 г., из респондентов, начавших обучение в сельской школе, а свою трудовую деятельность –

неквалифицированными рабочими, 36,1% остались в том же слое, 26,6% перешли в слой квалифицированных рабочих, 3,2% стали техническими работниками в сферах бытовых услуг и организации, работниками со средним специальным образованием – 12,7%; и лишь 8,9% стали работниками умственного труда, занятыми на должностях, требующих высшего образования. Из малоквалифицированных рабочих, начавших обучение в школе крупного города, 33,3% остались в этом же слое, 16,7% стали квалифицированными рабочими, 5,0% – техническими работниками, 15,0% – служащими со средним специальным образованием, 15,0% – профессионалами с высшим образованием, 10,0% – высококвалифицированными профессионалами.

Анализируя данные опроса 2006 г., нетрудно заметить, что социальные катализмы 1990-х выявились в процессах карьерной мобильности. Так, работники, начавшие обучение в школе в менее развитых территориальных средах, более стабильны в слое. По опросу 2006 г. оказалось, что среди квалифицированных рабочих здесь осталось 49,9% выходцев из деревни и 50,1% горожан. Соответственно в слое технических работников – 49,6 и 50,4%. Причем среди выходцев из сельской местности большее количество (по сравнению с горожанами) переходит в менее продвинутые социальные слои. Например, из квалифицированных рабочих занялись неквалифицированным физическим трудом соответственно 13,7 и 9,0%; из слоя работников с высшим образованием перешли на позиции, не требующие такового, 10,7 и 5,7%, стали квалифицированными рабочими – 3,8 и 1,9 %.

Тип поселения индивидов оказывает влияние на выбор ими направления деятельности. Результаты исследования показывают, что выходцы из крупных городов (региональных центров, а также мегаполисов страны – Москвы и Санкт-Петербурга) гораздо больше, чем выходцы из сельской местности и малых городов, ориентированы на творческие профессии и управленческую деятельность. Так, среди горожан в 2006 г. 4,5% занимали позиции управляющих высшего и среднего звена, 23,4% – высококвалифицированных профессионалов и профессионалов с высшим образованием; среди выходцев из менее развитых территориальных сред 3,0% попали в группы менеджеров и 10,7% – квалифицированных работников умственного труда. То есть у выходцев из менее развитых территориальных сред медленнее темп социального продвижения, а сфера мест приложения труда для них существенно уже, чем для тех, кто вырос в более развитом типе поселения.

Воспроизводство отношений взаимодействующих социально-профессиональных групп

При исследовании закономерностей социального воспроизводства, и в частности воспроизводства социальной стратификации общества, надо учитывать дистанции между образующими соответствующую структуру социальными группами. Дистанции – производные (косвенные) характеристики социальных отношений, и они дают возможность проследить, как изменения, происходящие в обществе, сближают одни социальные группы и дистанцируют другие.

Кроме того, дистанции могут являться функцией целого ряда социально-экономических переменных. Так, в одном случае дистанции между группами могут возникать на основе их дифференциации по уровню материальной обеспеченности, благополучия (доходы, обеспеченность качественным жильем и т. д.). В другом они же являются отражением неравенства в культуре и уровне предпочтений (характер внепроизводственной деятельности). В третьем – дистанции отражают неравенство в доступе к ресурсам власти и источникам распределения экономических и социальных благ (уровень ответственности, властных полномочий).

Однако на уровне операционализации наиболее близким к сущности понятия социальных отношений является индикатор, оценивающий интенсивность или частоту связей, возникающих между представителями рассматриваемых групп. Пересечение социальных групп наиболее вероятно именно там, где схожими оказываются характер деятельности их представителей и, соответственно, условия их существования. Смысл этого индикатора в следующем: чем выше частота взаимодействий представителей одной социальной группы с другой на уровне социальных связей, тем более близкими в социальном пространстве являются эти социальные общности и тем более вероятно, что данные группы окажутся похожими по ряду других характеризующих их социальных признаков. Изменения в характере социальных связей так или иначе будут отражать характер изменений в социальной структуре, а именно свидетельствовать об относительной изолированности/открытости ее элементов. Таким образом, в качестве группового индикатора социальных дистанций может выступать относительное количество браков, дружеских связей с представителями других социальных слоев.

Материалы представительных опросов 1994, 2002 и 2006 гг. позволяют зафиксировать ряд социально-экономических характеристик представителей близкого социального окружения респондента, а именно членов его семьи – обоих родителей, жены/мужа, старшего взрослого ребенка – а также ближайшего друга. К числу этих характеристик относятся следующие переменные – вид занятий, т. е. место на рынке труда или вне его; уровень образования (в числе лет обучения) и характер учебного заведения, которое окончил (или не окончил) член социальной сети респондента; тип поселения и регион проживания; оценка респондентом их уровня жизни. Первая из названных переменных позволяет установить социально-профессиональную позицию индивида, принадлежащего к ядру социальной сети, «заряжающей» респондента социальным капиталом. Суммируя данную информацию по респондентам, принадлежащим к одной социально-профессиональной группе, мы получаем возможность приблизительно выявить структуру ее связей с остальными социально-профессиональными группами, образующими социально-профессиональную стратификационную иерархию.

Затем эта информация обобщается в виде матрицы социальных дистанций, значение ячеек которой есть не что иное, как доля представителей определенной социально-профессиональной группы в структуре связей респондентов с одинаковым социально-профессиональным статусом. Матрицы, содержащие исходную информацию для нашего анализа, представлены в виде табл. 9, 10 и 11.

Таблица 9. Структура связей представителей различных социально-профессиональных групп (относительные показатели) по данным представительного опроса 1994 г.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Предприниматели	13,33%	0,00%	0,92%	0,33%	0,52%	0,20%	0,00%	0,00%	0,18%	0,00%
2. Управляющие высшего звена и чиновники	0,00%	5,00%	1,38%	1,14%	1,91%	1,20%	2,11%	0,91%	1,38%	1,13%
3. Управляющие среднего звена	6,67%	2,86%	3,23%	1,47%	0,87%	1,79%	1,36%	0,46%	0,42%	0,50%
4. Руководители низового уровня	13,33%	11,43%	12,90%	14,98%	10,41%	11,86%	12,37%	10,96%	10,51%	9,26%
5. Высококвалифицированные профессионалы	0,00%	10,71%	14,29%	9,61%	24,89%	12,96%	7,99%	9,59%	6,85%	9,01%
6. Профессионалы с высшим образованием	20,00%	18,57%	21,66%	15,80%	14,74%	25,92%	14,03%	11,42%	8,77%	9,39%
7. Работники со средним специальным образованием	6,67%	9,29%	11,52%	8,79%	8,41%	7,98%	15,54%	4,57%	8,29%	5,63%
8. Технические работники (в торговле, обслуживании)	0,00%	5,71%	4,15%	4,56%	1,82%	4,19%	3,32%	11,87%	2,82%	4,01%
9. Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	26,67%	22,14%	16,59%	22,96%	16,91%	18,94%	25,79%	31,96%	35,56%	26,28%
10. Неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие	13,33%	14,29%	13,36%	20,36%	19,51%	14,96%	17,50%	18,26%	25,23%	34,79%

Примечание: по столбцу числа стоит читать как долю представителей различных социально-профессиональных групп в структуре связей (родители, дети, супруги, друзья) респондентов с одинаковым социально-профессиональным статусом.

Таблица 10. Структура связей представителей различных социально-профессиональных групп (относительные показатели) по данным представительного опроса 2002 г.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Предприниматели	15,73%	5,38%	4,98%	2,57%	1,70%	2,15%	2,01%	1,76%	1,37%	0,51%
2. Управляющие высшего звена и чиновники	1,19%	6,92%	2,49%	1,10%	1,55%	1,96%	1,27%	1,62%	1,02%	1,01%

3. Управляющие среднего звена	4,15%	2,31%	7,47%	2,66%	2,32%	3,64%	1,16%	0,81%	1,02%	1,01%
4. Руководители низового уровня	18,10%	17,69%	11,20%	16,99%	13,47%	12,52%	11,01%	11,23%	11,18%	11,31%
5. Высококвалифицированные профессионалы	4,45%	9,23%	13,69%	6,80%	21,05%	8,69%	7,94%	6,36%	5,69%	8,02%
6. Профессионалы с высшим образованием	13,35%	16,92%	17,43%	11,94%	13,00%	26,36%	10,69%	10,15%	7,63%	7,34%
7. Работники со средним специальным образованием	8,01%	12,31%	6,22%	9,64%	7,59%	9,44%	18,41%	11,37%	7,68%	5,91%
8. Технические работники (в торговле, обслуживании)	5,64%	1,54%	3,32%	6,61%	4,49%	3,46%	3,60%	13,40%	6,61%	6,50%
9. Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	17,21%	13,85%	15,77%	23,97%	13,78%	16,64%	24,87%	21,11%	35,89%	26,33%
10. Неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие	12,17%	13,85%	17,43%	17,72%	21,05%	15,14%	19,05%	22,19%	21,91%	32,07%

Примечание: см табл. 9

Таблица 11. Структура связей представителей различных социально-профессиональных групп (относительные показатели) по данным представительного опроса 2006 г.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Предприниматели	14,68%	5,97%	4,58%	1,82%	1,24%	1,47%	2,91%	2,63%	1,81%	1,99%	9,64%
2. Управляющие высшего звена и чиновники	2,05%	1,49%	3,05%	0,99%	0,93%	1,78%	0,85%	1,31%	0,97%	0,80%	0,00%
3. Управляющие среднего звена	3,41%	13,43%	3,82%	2,81%	3,11%	3,14%	0,85%	1,02%	0,93%	0,30%	0,00%
4. Руководители низового уровня	5,46%	8,96%	6,87%	9,42%	4,66%	7,02%	6,30%	6,57%	4,21%	5,07%	3,61%
5. Высококвалифицированные профессионалы	4,78%	7,46%	6,11%	1,65%	22,67%	4,93%	2,54%	1,61%	1,22%	1,39%	2,41%
6. Профессионалы с высшим образованием	15,36%	26,87%	34,35%	15,21%	27,02%	31,76%	18,16%	9,49%	8,37%	6,87%	10,84%
7. Работники со средним специальным образованием	10,58%	10,45%	9,16%	14,21%	11,18%	11,11%	21,19%	13,14%	10,52%	7,26%	10,84%

8. Технические работники (в торговле, обслуживании)	8,19%	8,96%	8,40%	10,91%	4,66%	6,08%	7,14%	15,47%	7,74%	10,85%	8,43%
9. Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	22,53%	10,45%	15,27%	25,79%	17,70%	20,96%	27,00%	30,51%	42,79%	32,94%	33,73%
10. Неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие	9,22%	5,97%	8,40%	16,36%	6,83%	11,22%	12,83%	17,52%	20,45%	30,55%	12,05%
11. Самозанятые	3,75%	0,00%	0,00%	0,83%	0,00%	0,52%	0,24%	0,73%	1,01%	1,99%	8,43%

Примечание: см табл. 9

Для дальнейшего анализа рациональным представляется сведение полученной информации в компактный и визуально более понятный вид с помощью многомерного шкалирования.

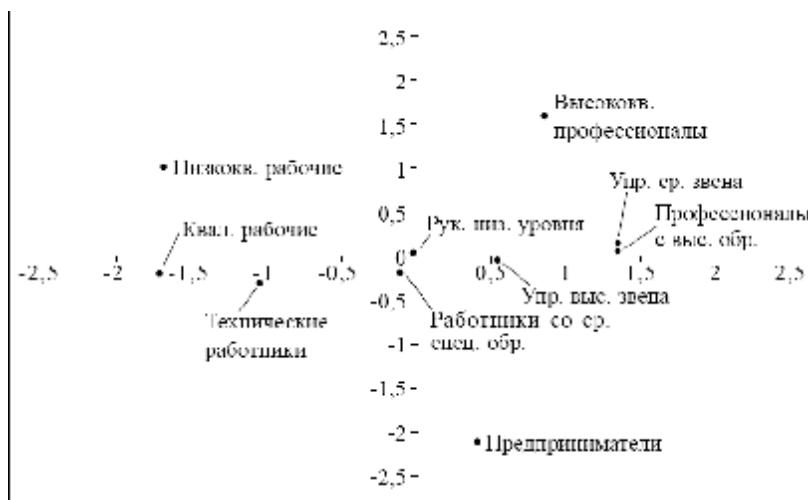
Методика многомерного шкалирования была создана в основном американскими учеными в 1950–1960-х годах. [Torgerson 1952; Shepard 1962; Kruskal 1964]. Создание и освоение аналогичного инструментария велись и рядом отечественных математиков [Перекрест 1983; Терехина 1986].

Методика многомерного шкалирования качественно не отличается от широко используемого в социологических исследованиях факторного анализа и позволяет с высокой степенью оптимальности свести всю совокупную информацию об изучаемых объектах (исходное пространство признаков) в несколько непосредственно не наблюдаемых искусственных признаков. В зависимости от качества соответствующей модели, новые признаки более или менее адекватно смогут отразить все имеющиеся (или, по крайней мере, наиболее значимые) сходства и различия между объектами. Многомерное шкалирование, в отличие от факторного анализа, не ограничивается исключительно корреляционными матрицами в качестве основного способа описания сходства объектов и предполагает использование матриц произвольного типа.

Многомерное шкалирование основывается на том, что для взятого пространства признаков имеется некоторое метрическое пространство значимых характеристик, являющихся основой для полученных эмпирических данных о «близости» между парами объектов. Вся имеющаяся информация об объектах сперва должна быть обобщена в виде определенной матрицы расстояний между объектами, которые в сущности являются отражением их фактической близости/сходства по ряду заданных признаков. Каждый элемент этой матрицы на пересечении i -й строки и j -го столбца содержит сведения о попарном сходстве анализируемых объектов (условно объекта $[i]$ и объекта $[j]$). В свою очередь процедура многомерного шкалирования оптимизирует информацию из матрицы расстояний и приписывает каждому объекту такие значения координат в определяемом ею пространстве, чтобы матрица евклидовых расстояний между

этим объектами максимально соответствовала исходной матрице расстояний. Это позволяет представить структуру объектов в виде их координатного размещения в пространстве (на многомерной шкале).

Процедура многомерного шкалирования применялась нами для получения графического размещения объектов в двумерном пространстве посредством функции ALSCAL программного пакета SPSS 13.0. Матрица евклидовых расстояний между этими объектами была получена с помощью процедуры PROXIMITIES того же пакета на базе информации из табл. 9–11. Напомним, что объектами в данном случае выступают группы – элементы социально-профессиональной структуры российского общества, тогда как в качестве переменных используются пропорции связей каждой группы с другими социально-профессиональными группами (их взаимные «пересечения»).

Параметры моделирования: Stress-value = 0,064; RSQ = 0,977

Рис. 1. Отображение социальных дистанций в двумерном пространстве методом многомерного шкалирования (данные представительного опроса 1994 г.)

Результаты применения процедуры многомерного шкалирования для моделирования структуры социально-профессиональных групп на основе данных об их социальных связях для представительного опроса 1994 г. приведены в рис. 1.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении графической интерпретации, – очевидная удаленность представителей рабочих профессий от группы предпринимателей, профессионалов (в том числе высококвалифицированных) и управляющих среднего звена. Периферийное расположение этих групп на плоскости рассматриваемого пространства можно интерпретировать как наличие нескольких отчетливых полюсов в социальной структуре общества.

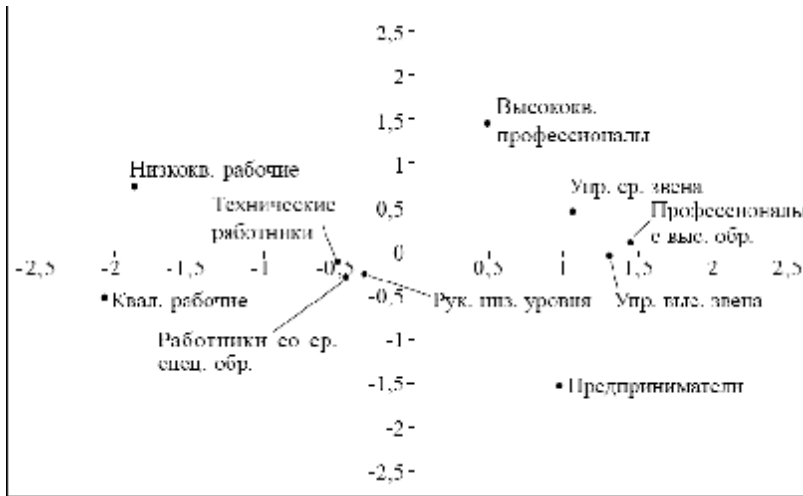
Для более полного анализа обратимся к исходным данным табл. 9. Очевидная «удаленность» группы профессионалов (в том числе высококвалифицированных) от группы рабочих объясняется тем, что в структуре связей первых вторые представлены существенно меньше (в сумме 34–36%), чем те же групп-

пы рабочих внутри собственных социальных связей (61%). С другой стороны, представленность профессий квалифицированного умственного труда в составе социальных связей профессионалов значительно выше, чем среди представителей квалифицированных и неквалифицированных рабочих (39–40% против 16–19%). Иными словами, проявившаяся «полярность» этих категорий также отражает наличие тенденций к самовоспроизводству.

Эти же тенденции прослеживаются и в социальном слое предпринимателей, где, учитывая его крайне малую долю во всей выборке, на представителей со схожим социально-профессиональным статусом приходится около 13%. Нигде во всех остальных группах пропорция этих связей не превышает 1%.

При этом также проявилась «промежуточность» таких социально-профессиональных категорий работников, как руководители низового уровня, представители технических профессий, работники со средним специальным образованием, — они в примерно равной степени оказались удалены от «полюсных» групп, что отражает как относительное взаимное сходство их социальных связей, так и наличие сходства с группами, находящимися на «периферии» (в особом пространственном отображении наиболее обособленных в контексте своих социальных связей групп).

Непонятным с точки зрения содержательной интерпретации осталось в данном случае размещение группы управляющих высшего среднего звена. По логике вещей, она не должна располагаться «вблизи» от промежуточных групп. Видимо, так произошло ввиду крайней малочисленности этой категории управляющих в составе нашей выборки, что в свою очередь увеличивает случайность распределения наблюдаемых социальных связей.

Параметры моделирования: Stress-value = 0,066; RSQ = 0,977

Рис. 2. Отображение социальных дистанций в двухмерном пространстве методом многомерного шкалирования (данные представительного опроса 2002 г.)

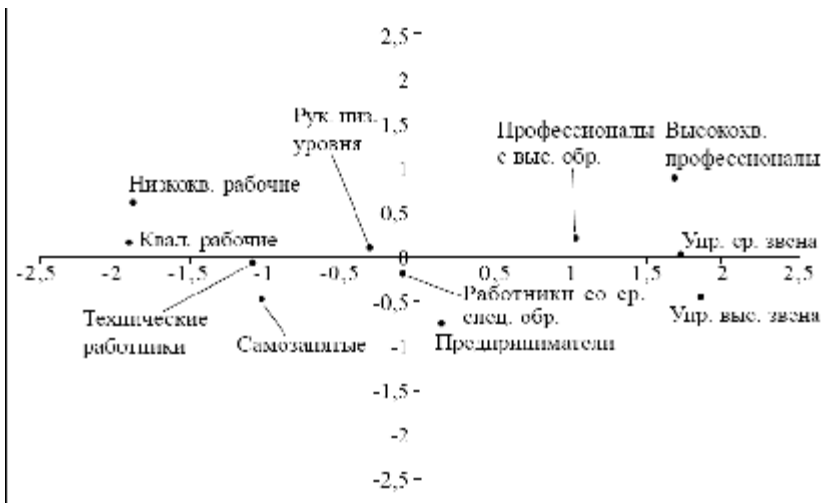
Данные опросов 2002 и 2006 гг. мы использовали для анализа не только социальной ситуации соответствующих лет, но и динамики структуры социаль-

ных связей представителей социально-профессиональных групп практически за весь постсоветский период (с января 1994 г. до ноября 2002 г. и затем до декабря 2006 г.).

Как видно из рис. 2, в 2002 г. расположение групп в моделируемом аналогичной процедурой пространстве практически совпадает с результатом анализа, проведенного на данных 1994 г. Однако более кучно сформированы объекты, условно отнесенные ранее к «промежуточным», – практически идентичной структурой связей со всеми социально-профессиональными группами обладают категории технических работников, работников со средним специальным образованием и руководителей низшего звена. Это в большей степени соответствует нашим изначальным представлениям о данных группах, основанным на группировании респондентов со схожим характером выполняемого труда, в свою очередь служащего в качестве формально-статистической «рамки» реальных социально-профессиональных слоев. Это можно считать косвенным эмпирическим подтверждением того, что индивиды, закрепленные за сходными видами труда, социализируются в схожих производственных социальных сетях, что является системным ограничением на их социальную и карьерную мобильность за пределами смежных социальных групп. С наибольшей вероятностью образцы мобильности будут похожими у представителей данных групп, а не у тех, которые представляют группы, лежащие на «периферии».

Кроме того, «периферийные» группы расположены в данном случае более полярно по отношению друг к другу, чем это проявилось при моделировании по данным 1994 г. Различие в структуре их социальных связей, или, другими словами, рост социальных дистанций между группами, объединяющими представителей рабочих профессий, и группами, занимающими более высокое положение в социально-профессиональной иерархии общества, – управляющими высшего и среднего звена, профессионалами различной квалификации, а также предпринимателями – более выражено. В частности, как свидетельствуют данные табл. 10, интенсивность социальных связей последних с представителями собственной социально-профессиональной группы вновь проявилась достаточно отчетливо – их доля в структуре связей респондентов, относящихся к предпринимательскому слою, составляет 16% против 1–5% в других группах. Косвенно более высокая по сравнению с предыдущим опросом пропорция данных связей по всем представленным социально-профессиональным слоям подтверждает наличие тенденции к ее относительному расширению за прошедшие годы (доля предпринимателей в выборке 1994 г. составила 2,6%, в 2002 г. – 4,4%).

Скорректировалось положение группы управляющих высшего звена – в данном случае оно отражает наличие определенного сходства с группой управляющих среднего звена и профессионалов с высшим образованием. Это произошло в первую очередь за счет существенного сокращения в структуре социальных связей данной группы управляющих доли представителей рабочих профессий (27,8% в 2002 г. против 36,4% в 1994 г.) и роста интенсивности взаимодействия с функционально наиболее близкой к ней группой предпринимателей, что также свидетельствует в пользу поляризации социально-профессионального состава общества в связи с ростом социальных дистанций.

Параметры моделирования: Stress-value = 0,056; RSQ = 0,986

Рис. 3. Отображение социальных дистанций в двухмерном пространстве методом многомерного шкалирования (данные представительного опроса 2006 г.)

Рассмотрим данные последнего из проведенных в рамках данного проекта представительного опроса, состоявшегося в ноябре-декабре 2006 г. При наличии определенного сходства в пространственном отображении существующих между социально-профессиональными группами социальных дистанций рис. 3 демонстрирует некоторые отличия от результатов, полученных при применении процедуры многомерного шкалирования к данным двух предыдущих обследований. Похоже по отношению друг к другу оказались расположены как «промежуточные» группы, так и группы, условно отнесенные к «периферийным», что, во-первых, подтверждает неслучайность полученного результата, а во-вторых, дает основания полагать, что в динамике структуры социальных связей социально-профессиональных групп в России присутствует определенная закономерность, отражающая тенденцию к ее воспроизводству на протяжении всего постсоветского периода.

Тем не менее обращает на себя внимание более заметная по сравнению с результатами анализа предыдущего опроса вертикальная «сплюснутость» в расположении точек в двухмерном пространстве. Как видно, происходит это за счет сокращения дистанций по соответствующей оси при менее значительных изменениях координат по горизонтальной оси. В свою очередь эти смещения сближают отдельные социально-профессиональные группы. Рассмотрим подробнее произошедшие изменения.

Во-первых, по опросу 2006 г. отчетливо вырисовывается группа, объединяющая в себе представителей рабочих профессий различной квалификации. Если по данным предыдущих опросов (1994, 2002 гг.), квалифицированные рабочие значительно отличались от менее квалифицированных в контексте их социальных связей, то в 2006 г. эти различия становятся менее очевидными. В 1994 и 2002 гг. в структуре связей квалифицированных рабочих доля пред-

ставителей сходного социально-профессионального статуса была самой высокой и составляла около 36%, тогда как у неквалифицированных и малоквалифицированных – лишь 26% против 32–35% обладателей аналогичного им статуса (см. табл. 9 и 10). В 2006 г. (см. табл. 11) эти соотношения значительно изменились: с одной стороны, в социальном окружении представителей малоквалифицированных рабочих 34% связей приходится на их более квалифицированных коллег – значительно больше, чем на лиц со схожим статусом (12%); с другой стороны, в структуре связей квалифицированных рабочих доля представителей рабочих профессий, не требующих квалификации, выросла до 31%.

Во-вторых, произошли изменения и в группах, занимающих полярное по отношению к вышерассмотренным положение. Соответствующие слои включают в себя управляющих и профессионалов различного уровня и квалификации, которые обособленно группируются в правой части рисунка. В этой части рассматриваемой структуры заметно сокращена дистанция между высококвалифицированными профессионалами и остальными составляющими ее основу элементами, тогда как ранее данная группа занимала изолированное положение (об этом свидетельствуют данные табл. 9 и 10): доля социальных связей ее представителей, приходящаяся на других высококвалифицированных профессионалов, являлась наивысшей по отношению к остальным и составляла 21–25% (и это при ее относительной немногочисленности), тогда как, например, на профессионалов с высшим образованием приходилось 13–15%. В 2006 г. эта тенденция переломилась – при 23% связей с высококвалифицированными профессионалами 27% приходится на более многочисленную группу профессионалов с высшим образованием (см. рис. 3).

В-третьих, обращают на себя внимание перемены в положении группы предпринимателей в системе социальных отношений. В первые годы исследований, согласно графическому представлению результатов многомерного шкалирования, обозначающая ее точка находилась на значительном удалении от «промежуточных» групп, что соответствовало большей аутентичности структуры социальных связей данной группы по отношению к другим (с преобладанием связей в схожей социально-профессиональной среде). А в 2006 г. наблюдаемые связи свидетельствуют об отсутствии столь значительных различий.

В-четвертых, в связи с незначительной переработкой социально-профессионального классификатора для данных представительного опроса 2006 г. была выделена группа самозанятых, ранее не рассматривавшаяся вообще (в том числе из-за ее крайней малочисленности). Ядро данной группы составляют работники, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, которые до этого традиционно включались нами в состав предпринимательской группы. Характер расположения группы свидетельствует о том, что структура социальных связей у самозанятых еще меньше отличается от «промежуточных» групп, чем у предпринимателей. Следовательно, наблюдаемое в 2006 г. положение предпринимателей отражено даже более адекватно, чем в 1994 и 2002 гг.

Для большей наглядности изменений, произошедших в системе социальных дистанций между элементами социально-профессиональной структуры общества, модели, проиллюстрированные на рис. 1, 2 и 3, были объединены на рис. 4 в

результате наложения результатов, полученных при применении единой процедуры анализа на данных всех трех опросов. Каждое наблюдение помечено соответствующим маркером, аббревиатурой, соответствующей названию группы в используемой нами номенклатуре социально-профессиональных слоев, и годом наблюдения. Безусловно, координаты разделенных во времени наблюдений задают относительное расположение соответствующих им точек, и потому их графические сдвиги не могут рассматриваться в качестве абсолютных.

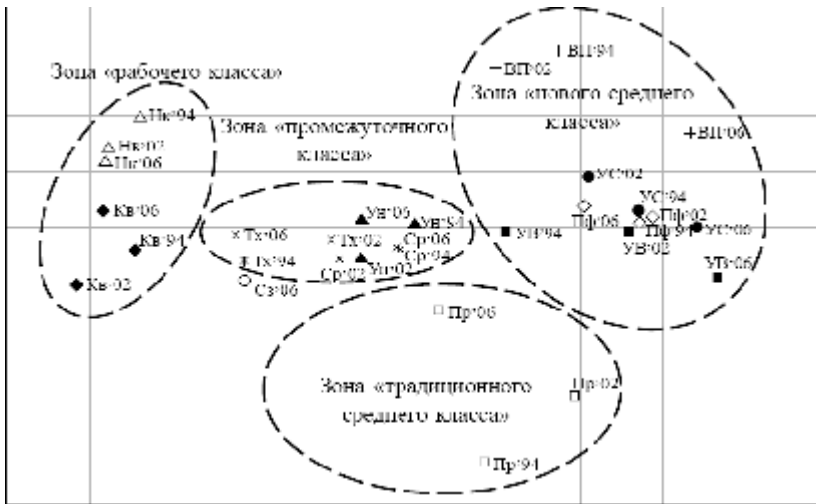

Рис. 4. Отображение социальных дистанций в едином двухмерном пространстве методом многомерного шкалирования (сводные данные по трем опросам)

Тем не менее рис. 4 представляет интерес для дальнейшего осмысления полученных результатов. Как видно, на протяжении трех опросов относительное расположение элементов социально-профессиональной структуры претерпевало изменения в пределах более или менее конкретных геометрических «зон» (для удобства на рисунке эти «зоны» были помечены «произвольными» эллипсами): сконцентрированные на соответствующей «территории» точки явились отображением групп, наиболее однородных друг с другом по структуре социальных связей/отношений и потому наиболее вероятно занимающих идентичные ступени в социальной иерархии.

Основанием для выделения «зоны рабочего класса» стало обособленное по отношению ко всем остальным группам положение квалифицированных и малоквалифицированных рабочих, их относительная внутренняя однородность и отсутствие сколько-нибудь значимых изменений в структуре их социальных связей. Обращает на себя внимание тенденция к взаимной сходимости обеих социально-профессиональных групп, т. е. сокращение социальной дистанции между ними при сохранении черт, значительно отличающих их от остальных элементов социально-профессиональной структуры.

Наполнение «зоны нового среднего класса», по крайней мере, формально соответствует классическому определению, объединяющему менеджеров и

профессионалов различного уровня и квалификации. Вполне логичным выглядит расположение данной «зоны» по отношению к остальным: оно отчетливо полярно по отношению к «зоне рабочего класса» и в то же время отражает более тесное соседство с представителями другого «среднего класса» – «традиционного» – предпринимателями.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

В данной статье были рассмотрены некоторые тенденции в воспроизводстве социально-профессиональной структуры российского общества, которые удалось зафиксировать на материале представительных опросов 1994, 2002 и 2006 гг., охвативших практически весь период становления постсоветской России.

Подводя черту, оценим общий характер изменений, произошедших в динамике статусов респондентов. Данные свидетельствуют о том, что интенсивность индивидуальных карьерных перемещений постепенно снизилась: если в 1994 г. 52,8% респондентов были включены в простой тип социально-профессионального воспроизводства (под которым подразумевается отсутствие изменений социально-профессионального статуса на момент опроса по сравнению с его уровнем на начало трудовой деятельности), то в 2002 и 2006 гг. этот показатель составил 54,7 и 56,7% соответственно. При этом расширенный тип социально-профессионального воспроизводства в 2006 г. был отмечен нами лишь в 13,1% случаев, что выше, чем в 1994 г. (12,2%), но значительно ниже показателя 2002 г. – 16,7%. Таким образом, импульс, который был задан социально-экономической трансформацией начала 1990-х годов и открыл возможности для социально-профессионального роста россиян, уже к концу 2006 г. оказался практически исчерпанным, и тенденция к нисходящей социальной мобильности становится все более выраженной. Это подтверждает не раз высказанное нами предположение о «застойности» социально-профессиональной структуры современной России и отсутствии позитивных сдвигов в ее динамике [Шкаратан, Ястребов 2007б].

Анализ воспроизводства социальных отношений на примере взаимодействия социально-профессиональных групп позволил отразить факт институциональной незакрепленности профессий (родов занятий) в социальной структуре современного российского общества. С одной стороны, удалось показать, что характер взаимного расположения социально-профессиональных групп в системе социальных связей за период, охваченный представительными опросами, изменился мало: так, например, по-прежнему в качестве «промежуточных», т. е. в равной степени удаленных от других групп, остаются группы, объединяющие представителей технических профессий и профессионалов со средним специальным образованием. С другой стороны, произошедшие смещения свидетельствуют о стирании сколько-нибудь заметных различий между социально-профессиональными группами, что, в частности, наиболее заметно на примере сближения групп рабочих профессий. Таким образом, род занятий перестает быть синдромом свойств, характеристик социальных субъектов, обуславливающих не только совокупность определенных качеств, навыков и умений, зна-

ний, которыми должен обладать индивид, как актер данного вида деятельности, но и систему социальных связей, которыми он обладает, как представитель ответствующей социальной группы.

Предложенная в статье модель исследования представляется плодотворной для дальнейшего анализа социального воспроизводства, а именно воспроизводства реальных социальных групп, выделяемых по критериям обладания властью-собственностью. В дальнейших исследованиях необходимо, во-первых, выяснить, изменились ли критерии формирования реальных социальных групп и сам их список с момента начала трансформации российского общества в начале 1990-х годов; в частности, имело ли место расширенное или суженное воспроизводство отдельных групп и с какими социально-экономическими изменениями это потенциально связано. Во-вторых, важно оценить, насколько изменились дистанции между этими группами, действительно ли в обществе происходит поляризация или, наоборот, сближение отдельных реальных слоев по ряду производных социально-экономических характеристик. И наконец, важно обратить внимание на внутригрупповые смещения в формирующихся группах, осуществляемые в системе «ядро – полупериферия – периферия».

Литература

- Перекрест В.Т.* Нелинейный типологический анализ социально-экономической информации: математические и вычислительные методы. Л.: Наука, 1983.
- Смыслов Д.А.* Динамика и воспроизводство человеческого капитала жителей России в контексте социально-групповой и поселенческой дифференциации // Мир России. 2007. № 3.
- Терехина А.Ю.* Анализ данных методами многомерного шкалирования. М.: Наука, 1986.
- Шкаратан О.И.* (ред.) Этносоциальные проблемы города. М.: Наука, 1986.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.* Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007а. № 3.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.* Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. 2007б. № 3.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.* Российское неозакратическое общество и его стратификация. Препринт WP7/2008/02. М.: ГУ ВШЭ, 2008.
- Kruskal J.B.* Multidimensional Scaling by Optimizing Goodness of Fit to a Nonmetric Hypothesis // Psychometrika. 1964. № 29 (1–2).
- Shepard R.M.* The Analysis of Proximities: Multidimensional Scaling with an Unknown Distance Function // Psychometrika. 1962. № 27 (2–3).
- Torgerson W.S.* Multidimensional scaling: I. Theory and Method // Psychometrika. 1952. № 17 (3).